

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 105 (УБИЙСТВО) И 110
(ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА) УК РФ**

Темеров Е.Н.,

научный руководитель канд. юр. наук Долголенко Т.В.

Сибирский федеральный университет

Разграничение таких составов преступлений как убийство (ст. 105 УК РФ) и доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) на сегодняшний день представляет собой чрезвычайно актуальную проблему. Представляя собой совершенно разные деяния, эти преступления, однако, практически невозможно отличить друг от друга в некоторых ситуациях, которые впервые были определены Н.Н. Ярмыш как ситуации "фатального выбора"¹.

В теории отечественного уголовного права до сих пор не сложилось не только единого мнения ученых по данному вопросу, но отсутствуют и серьезные научные разработки. К сожалению, буквально все специалисты, занимающиеся изучением такого преступления как доведение до самоубийства, исследуют вопрос о разграничении его с убийством весьма поверхностно: обычно в связи с изучением формы вины при доведении до самоубийства. Принципиальным моментом, который не может обойти стороной ни один автор, является возможность совершить преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, с прямым умыслом. И только в связи с этим исследователи подходят к решению важнейшей проблемы разграничения данного преступления с убийством, высказывая диаметрально противоположные мнения.

Так, возражения ряда авторов против возможности доведения до самоубийства с прямым умыслом сводятся к тому, что, по их мнению, при наличии у виновного прямого умысла содеянное должно быть квалифицировано как умышленное убийство. В частности, по утверждению Н.И. Загородникова, при наличии у виновного прямого умысла на доведение до самоубийства все совершенное рассматривалось как убийство особым способом².

С.В. Бородин также указывает на то, что в случаях, когда лицо ставит себе цель довести другого до самоубийства и создает для этого условия, при которых потерпевший вынужден покончить с собой, содеянное надлежит квалифицировать как убийство, которое будет характеризоваться особым способом совершения³.

Р.З. Авакян, возражая против такой квалификации, указывает, что при совершении доведения до самоубийства, в отличие от убийства, виновный не совершает действий, непосредственно приводящих к смерти потерпевшего. Потерпевший принимает решение расстаться с жизнью и сам же приводит его в исполнение, руководимый сознанием и волей⁴.

Ю.А. Уколова отмечает, что такое объяснение выглядит вполне убедительным. Однако, по мнению данного автора, не следует исключать следующую ситуацию: потерпевший поставлен виновным лицом в такие условия, что даже при наличии сознания его воля настолько ограничена, что возможность принятия иного решения, кроме самоубийства, просто отсутствует (например, лицу предлагают выбрать тяжелую

¹ Ярмыш, Н.Н. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ярмыш Наталья Николаевна. – Харьков, 1992. – С. 3.

² Загородников, Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н.И. Загородников. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 233.

³ Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – М.: Юристъ, 2001. – С. 62.

⁴ Авакян, Р.З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние / Р.З. Авакян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. – С. 71–76.

мучительную смерть – и у потерпевшего есть все основания опасаться реализации таких намерений, – или легкую и быструю, но его, потерпевшего, руками). В качестве примера приводится следующий: виновный ставит потерпевшего на парапет крыши высотного дома, обливает его бензином и держит наготове зажжённую спичку, однако предлагает потерпевшему самостоятельно прыгнуть с крыши, в противном случае угрожает реализовать свои намерения¹. Такая ситуация, по мнению исследователя, ставит под сомнение выводы Р.З. Авакяна.

Против такой позиции возражает А.И. Коробеев, указывая, что авторы, призывающие квалифицировать доведение до самоубийства с прямым умыслом как убийство, зачастую подменяют понятие "доведение до самоубийства" понятием "склонение к самоубийству". В качестве примера такого склонения данный автор приводит практически аналогичный пример: виновный предлагает потерпевшему на выбор или оставление на длительное время без пищи и воды, или безотлагательное самоубийство с помощью пистолета, который он тут же вручает потенциальной жертве, и та им мгновенно пользуется². При этом, отмечает А.И. Коробеев, даже в такой ситуации квалификация действий виновного по ст. 105 УК РФ невозможна.

Представляется, что в примерах, приведённых выше, перед нами всё то же доведение до самоубийства путём угрозы жизни потерпевшего, и очевидно, что потерпевший воспринимает эту угрозу как наличную и реальную. Примечательно, что в данном случае единичная угроза представляет собой *крайне интенсивное воздействие на психику* потерпевшего и является для него столь значительной, что приводит к самоубийству. Такая интенсивная угроза, представляющая собой разновидность психического насилия³ (или, иначе, психического воздействия), свидетельствует о наличии особого, более опасного вида психического воздействия, – *принуждения*⁴.

Свобода воли потерпевшего, на которую так часто ссылаются исследователи, предполагает наличие у него возможности выбора способа поведения. Так, В.Б. Малинин отмечает, что действия потерпевшего по лишению себя жизни не должны прямо вытекать из деяния виновного. Поэтому, указывает автор, если мы имеем дело не со свободным волевым действием потерпевшего, а с "механическим" следствием деяния виновного, такое деяние должно квалифицироваться как убийство⁵.

Момент добровольности в рассматриваемых примерах, очевидно, отсутствует, но он отсутствует также и при всяком ином случае доведения до самоубийства: полностью добровольный уход из жизни, не обусловленный угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением чести и достоинства потерпевшего, в принципе не может повлечь за собой наступление уголовной ответственности.

Таким образом, выбор вариантов поведения потерпевшего при доведении до самоубийства в любом случае ограничен. Проблема заключается в том, что в подобных ситуациях "фатального выбора" сам выбор практически отсутствует; представляется, что в этом случае деяние виновного значительно более опасно. Чрезвычайно важной, таким образом, является проблема разграничения убийства и доведения до самоубийства именно

¹Уколова, Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства / Ю.А. Уколова // Российский следователь. – 2007. – № 12. – С. 19–20.

² Полный курс уголовного права в 5 томах / под ред. А.И. Коробеева / – Т. 2 – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – С. 279.

³ См., например: Шарапов, Р.Д. Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Шарапов Роман Дмитриевич. – Екатеринбург, 2006. – С. 20–22.

⁴ См., например: Зарипов, В.Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Зарипов Валерий Галимович. – М., 2007. – С. 14.

⁵ Малинин, В.Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Малинин Василий Борисович. – СПб., 1999. – С. 38.

в ситуации "фатального выбора", когда действия потерпевшего "механически" следуют из действий виновного, а свобода воли потерпевшего максимально ограничена и подавлена.

Предположим, что виновный угрожает убить обоих малолетних детей потерпевшей, если последняя не совершит самоубийство, и в подтверждение своих слов убивает одного ребёнка. Потерпевшая, воспринимая данную угрозу исключительно как наличную и реальную, из страха за жизнь второго ребенка совершает самоубийство. Возможно ли в такой ситуации квалифицировать действия виновного по п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство двух лиц? Представляется, что нет. Однако, в данной ситуации деяние виновного значительно более опасно, чем деяние, представляющее собой бытовое насилие и унижение чести и достоинства потерпевшего, который в результате подобных действий совершает самоубийство. Такое отличие по характеру общественной опасности нашло законодательное закрепление в некоторых штатах США.

Так, в штате Мэриленд предусмотрена уголовная ответственность как за пособничество в совершении другим лицом самоубийства, так и за *принуждение* к нему¹. Весьма показателен пример штата Иллинойс, где самоубийство ввиду принуждения к нему является уголовным преступлением более тяжкой 2 категории (*class 2 felony*), покушение на самоубийство в результате принуждения – преступлением менее тяжкой 3 категории (*class 3 felony*), а самоубийство в результате предоставленной виновным помощи (пособничество) – преступлением 4 категории (*class 4 felony*)². В Северной Дакоте самоубийство потерпевшего в результате принуждения со стороны виновного является преступлением категории AA (*class AA felony*), – наиболее тяжкой категории, а максимальным наказанием за преступления, отнесённые к ней, выступает пожизненное лишение свободы³.

В целом, уголовному законодательству разных штатов США известны различные деяния, последствием которых является самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего. Это и подстрекательство (*incitement*), и побуждение (*inducement*) и дача советов (*advising*), и пособничество (*aiding*), и обман (*deception*), и принуждение (*coercion, duress*).

Представляется, что отечественный законодатель, конструируя общую (и единственную) норму ст. 110 УК РФ, стремился избежать казуистики и сделать её более абстрактной, отойти от закрытого перечня деяний, ограничившись лишь словом "доведение". Рассмотренные в качестве примеров деяния представляют собой именно доведение до самоубийства, и с этой позиции законодателю удалось создать довольно абстрактную норму.

Тем не менее, подобная конструкция не позволяет адекватно квалифицировать деяния виновного в ситуации "фатального выбора" для потерпевшего, в связи с чем представляется необходимым решить данный вопрос на законодательном уровне. Возможно, правильным решением стало бы установление уголовной ответственности именно за *принуждение к совершению самоубийства или покушения на самоубийство*. Однако, ни один учёный, исследующий норму ст. 110 УК РФ, ранее такого предложения не высказывал; оно является новым и требует самой тщательной проработки, в том числе с опорой на соответствующий опыт зарубежных ст

¹ Уголовный кодекс штата Мэриленд. – Maryland Criminal Law Code, ann. § 3-102. – По данным официального сайта Генеральной Ассамблеи штата Мэриленд [Электронный ресурс]. – URL: http://mgaleg.maryland.gov/2014rs/statute_google/gcr/3-102.pdf (дата обращения: 02.03.2014).

² Уголовный кодекс штата Иллинойс. – IllinoisCriminalCode, sec. 12-34.5. – По данным официального сайта Генеральной Ассамблеи штата Иллинойс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ilga.gov/legislation/ilcs/fulltext.asp?DocName=072000050K12-34.5> (дата обращения: 27.02.2014).

³ Уголовный кодекс штата Северная Дакота. – NorthDakotaCriminalCode, sec. 12.1-16-04. – По данным официального сайта Законодательной Ассамблеи штата Северная Дакота [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legis.nd.gov/cencode/t12-1c16.pdf?20140328030139> (дата обращения: 16.02.2014).